

время; влияние войны на рост насилия; культурные аспекты насилия. Х. Джонс полагает, что необходимо также исследовать насилие в период Балканских войн, геноцид армян в Османской империи, насилие против военнопленных.

Еще одна относительно новая и интересная тема – межэтнические отношения. Современные историки стали изучать участие в войне африканских и сенегальских войск; сравнивать отношение к военнопленным разных наций, задумались о расовых проблемах в среде военнослужащих колониальных войск.

Перспективным автор считает изучение таких тем, как сравнительное изучение организации военно-медицинской службы в армиях разных стран; отношение к инвалидам; способы лечения и реабилитации раненых и контуженных.

Ю.В. Дунаева

2014.03.004. ЭНГЛУНД П. ВОСТОРГ И БОЛЬ СРАЖЕНИЯ: ПЕРВАЯ МИРОВАЯ В 211 ЭПИЗОДАХ / Пер. со швед. – М.: Астрель: CORPUS, 2013. – 640 с.

Ключевые слова: Первая мировая война; дневники и воспоминания.

Книга Петера Энглунда, постоянного секретаря Шведской академии наук, председателя жюри Нобелевской премии по литературе, о Первой мировой войне переведена почти на 30 языков. В основу книги автор положил дневники и воспоминания участников событий Первой мировой. Большинство из них простые люди, как, например, Рафаэль де Ногалист, пылкий латиноамериканец, искатель приключений, от услуг которого отказались все армии, кроме османской; датский пацифист Крестен Андерсен, мобилизованный в немецкую армию; многодетная американка Лаура де Турчинович, бывшая замужем за польским аристократом и проводившая лето в имении в Польше; Флоренс Фармборо, англичанка, сестра милосердия в русской армии; Олива Кинг – австралийка, приехавшая на своем грузовике в Сербию, чтобы служить в армии шофером, и многие другие – всего 19 человек – и каждый из них пишет о той войне, которая выпала на его долю. «Меня интересовали не столько факты, сколько люди, – отмечает в разделе “К читателю” Петер Энглунд, – не столько хроника, сколько впечатле-

ния, переживания и настроения. Ибо я пытался реконструировать не ход событий, а мир переживаний» (с. 11).

Автор выбрал 211 эпизодов из дневников его героев, воссоздав таким образом 211 эпизодов пяти лет Первой мировой войны, день за днем, месяц за месяцем одновременно на всех фронтах: на Западном и Восточном, в Альпах, на Балканах, в Восточной Африке и Месопотамии. Он соединяет дневниковые записи своих героев таким образом, чтобы добиться определенного стереоскопического эффекта, одновременного присутствия на всех фронтах войны. Так, например, события августа – сентября 1914 г. описаны сразу от лица нескольких действующих лиц: корнета русского 1-го Сумского гусарского полка Владимира Литтауэра, командующего ротой лейб-гвардии Егерского полка Павла фон Гериха, кавалериста австро-венгерской армии Пала Келемена, немецкой школьницы Эльфриды Кур, немецкого матроса Рихарда Штумпфа, военного инженера русской армии князя Андрея Лобанова-Ростовского, американки Лауры де Турчинович, англичанки Флоренс Фармборо, датчанина Крестена Андерсена. Несмотря на различие судеб, статуса, пола, национальности героев, «всех их объединяет то, что война чего-то их лишила: юности, иллюзий, надежды, человечности – жизни» (с. 12).

В центре внимания автора – военные будни. Корнет русского гусарского полка Владимир Литтауэр начинает свои записи 12 августа 1914 г., когда его эскадрон оказывается в Восточной Пруссии. Идет второй год его службы в армии. Он самоуверен, высокомерен, умен, и до сей поры его жизнь текла беспечно. Для него, как и для его товарищей-офицеров, военная служба была не столько призванием, сколько образом жизни (с. 34).

16 августа 1914 г. другой герой Петера Энглунда, Павел фон Герих, командующий ротой лейб-гвардии Егерского полка, направляется в Псков, в действующую армию. Несмотря на то что П. фон Герих прослужил в армии почти 20 лет, он не видел войны и никогда не бывал в бою. «При известии о начале войны, – воспроизводит дневниковые записи Петер Энглунд, – в офицерском клубе захлопали пробки от шампанского. Только вчера они оставили Петербург, проведя за две недели мобилизацию, – как обычно, под звуки “ура”, благословений и пожеланий... Когда поезд прибыл в Псков, все – и офицеры, и солдаты – высыпали на перрон,

запрыгали, загалдели, в общем, вели себя как дети. Никто даже и не вспоминал, что едет на войну, и что она может оказаться самой кровавой в мировой истории» (цит. по: с. 39).

25 августа 1914 г. кавалерист австро-венгерской армии венгр Пал Келемен оказался на фронте под Галичем. Ему 20 лет, он родом из Будапешта. Явных признаков войны – грохота пушек и прочего – пока еще не было, «должно быть, это просто учения. Жаркое синее небо, запах конского навоза, пот, сено» (цит. по: с. 47). Только когда дивизия достигла Галича, иллюзия о простых маневрах разбилась вдребезги: «По дороге навстречу гусарам двигались крестьяне и евреи. В самом городе царили тревога и хаос; где-то совсем рядом, как говорили, были русские». Келемен записывает в своем дневнике: «...На лицах людей – изнеможение, пыль, пот и паника, страшное смятение, боль и страдание... Видны даже военные фургоны посреди потока беженцев, а на поле заметны отступающие солдаты, пехота в панике бежит, взрывается кавалерия. Ни у кого нет оружия. Изможденный людской поток течет через долину...» (цит. по: с. 48–49). П. Энглунд замечает, что его герой Пал Келемен, как и все остальные очевидцы, «имели очень смутное представление о том, что происходило в действительности, и пройдут годы, прежде чем отдельные впечатления сложатся в рассказ, называемый сражением у Лемберга, – катастрофическое поражение австро-венгерской армии» (с. 49).

9 сентября 1914 г. эскадрон Владимира Литтауэра собрался у перешейка между озерами к востоку от города Видминен. Город занят немецкими войсками. Русские знают, что ожидается наступление. Эскадрон Литтауэра стоит в резерве, он с интересом следит за дуэлью между русскими и немецкими пушками. Его гусары спешили и спрятались в укрытие. Даже в этой суматохе, при отсутствии достоверной информации понятно, пишет П. Энглунд, что русское вторжение в Восточную Пруссию провалилось. На юге армия Самсонова наголову разбита немецкими дивизиями. А ее остатки отступили к границе. «И теперь, похоже, немцы бросили свои силы против Ренненкампа на северо-востоке. Соединение Литтауэра вместе с пехотной дивизией каким-то образом должны будут блокировать немецкий прорыв» (с. 56). Внезапно Литтауэр замечает вдали какое-то движение, это два немецких кавалерийских эскадрона несутся вперед разомкнутым строем. Они не видят

спешившихся гусар. Литтауэр и его товарищи выжидают до последнего, а потом стреляют. Расстояние между ними столь ничтожно, что трудно промахнуться. Литтауэр смотрит, как падают всадники и кони. Те, кто уцелел, скачут назад что есть сил.

Вскоре Литтауэр видит длинные немецкие цепочки, марширующие прямо на них. Русская артиллерия молчит, выжидая, затем открывает прицельный огонь. Снаряды рвутся сзади, впереди, прямо посреди рядов одетых в серое солдат в остроконечных касках. Цепочки закачались в дыму, остановились и повернули назад. Наступления больше не предвиделось. Ночью эскадрон Литтауэра получил приказ об отступлении.

Автор приводит еще несколько интересных сюжетов, показывающих, какой же была подлинная история Первой мировой. Начало января 1915 г. В. Литтауэр только что получил новое назначение: командир взвода связи полка. В своем дневнике он записывает следующий эпизод, участником которого был он сам. Вечером три русских и три немецких офицера-кавалериста встречаются на промерзшей ничейной земле. Русские и немцы ведут вежливую беседу. О войне не упоминают, говорят в основном о спорте, особенно о предстоящих этим летом конных состязаниях. У кого-то с собой фотоаппарат. Они фотографируются. Прежде чем разойтись, договариваются о встрече на завтра. Русские принесут закуски, немцы – коньяк. Вечером новый командир дивизии Литтауэра узнал о том, что произошло, и запретил офицерам дальнейшее братание. На следующий день, когда показались немцы, со стороны русских раздались предупредительные выстрелы. Встреч больше не было (с. 113).

Вот иной эпизод из дневника Литтауэра. 2 марта 1915 г. Он осматривает поле боя в лесу под Августовом, где девять дней назад шли тяжелые бои, когда немцы окружили и разбили наголову 20-й корпус Булгакова. Колонна всадников движется вперед, и Литтауэр видит какие-то странные поленицы, словно вдоль лесной дороги нагромождены дрова. И все же что-то не сходится. Это явно не дрова, это штабеля человеческих тел. Литтауэр скачет дальше, в ужасе вглядываясь в леденящие кровь застывшие картины. Вот он видит батарею: люди и кони застыли в своих обычных позах, все они мертвы. Он видит пехотную роту, которая полегла образцовым строем: всю ее скосил пулеметный огонь, все мертвы.

Видит полдюжины санитаров, лежащих в ряд с нагруженными носилками, и они все тоже мертвы. Видит лежащих в куче немцев, одетых в серое: они тщетно пытались спрятаться под каменным мостиком, но все они теперь мертвы. Видит обоз русского полка: все кони и все люди были убиты при переправе через мост. Последней в этом ряду оказалась повозка священника. Он тоже погиб, сидя в своей повозке (с. 134–135).

Когда Италия объявила войну Австро-Венгрии, Паоло Монелли, студент Болонского университета, изучавший юриспруденцию, как и многие итальянские студенты, записался в добровольцы. Будучи спортсменом-скалолазом, он смог вступить в ряды альпийских стрелков, элиты итальянской пехоты. Автор воспроизводит содержание записей дневника Монелли от 23 мая 1916 г. «С 15 мая 1916 г. австро-венгерские войска наступают в горах, вокруг плато Азоаго; враг одерживает внушительные победы, особенно в сравнении с бесполезным топтанием итальянской армии на реке Изонцо. И, если врага не удастся остановить, он займет равнинную часть страны. Батальон альпийских стрелков, в котором служит и Паоло Монелли, вот уже несколько дней находится на Монте-Чима. Их то и дело обстреливает вражеская артиллерия. Монелли и другие не получают никаких известий... Своя артиллерия становится все слабее. Вчера вечером последние орудия исчезли из их сектора, это была батарея легких горных пушек... Одну батальонную роту уже послали в долину. И этим утром они проснулись на вершине горы в полном одиночестве... Получен приказ: оставаться на месте до наступления темноты. Ведь они – это арьергард, а значит, должны сдерживать врага и дать другим возможность к отступлению. Что же будет с нами? И что будет с Италией? Стрелки воочию наблюдают, как с ближайшей к ним горы спускаются австро-венгерские батальоны. А они могут только лицезреть это, совершенно беспомощные, потому что противник находится на расстоянии выстрела от них, а у альпийских стрелков нет тяжелого оружия... Наступило утро, потом день, и им не оставалось ничего иного, только ждать – они отрезаны от остальных, изолированы, “и горечь ожидания ощущалась еще сильнее оттого, что случилась катастрофа”» (с. 307–308).

В тот же день пехотинец французской армии Рене Арно и его батальон находятся в деревне Бельваль-ан Аргонн. Батальон слы-

шит грохот пушек под Верденом. Все нервничают, ожидая, что их скоро пошлют сражаться. Теперь их ждут потери, большие потери. Рене Арно пишет в дневнике: «Мы топтались на месте, обменивались слухами и спорили. Помню батальонного врача Трюше, он стоял согнувшись, расставив ноги, на лице его было написано беспокойство, он нервно теребил левой рукой свою черную бородку: “Какой позор! Следовало бы прекратить эту бойню! Позволить погибнуть тысячам, чтобы только оборонить все эти устаревшие форты. Как отвратительно! Ну и генералы у нас!”» (цит. по: с. 311).

Записи пехотинца британской армии Ангуса Бьюкинена воспроизводят военные действия в германской колонии в Восточной Африке. К январю 1917 г. большая часть колонии находилась в руках союзников. Но победа досталась ценой невероятных страданий и огромных ресурсов. «До конца войны только британцы завербовали себе миллион черных носильщиков, и каждый пятый из них погиб» (с. 390).

«Командование союзников во главе со Смэтсом никак не могло понять, что их противнику, дерзкому, умному и циничному фон Леттов-Форбеку, собственно говоря плевать на колонию. Этот ас партизанской войны с самого начала видел свою задачу в том, чтобы оттянуть на себя как можно больше сил противника. Ибо каждый солдат, каждая пушка и каждый патрон, переправленный в Восточную Африку, означал на одного солдата, одну пушку и один патрон меньше на Западном фронте. У Смэтса теперь было в пять раз больше солдат, чем у фон Леттов-Форбека, но британцы так и не смогли одолеть этого немца» (с. 390). Многие из новой военной техники не было приспособлено к африканским условиям и климату. Моторный транспорт часто глох. Тяжелая артиллерия увязала, самолеты не могли обнаружить цель в густых зарослях.

На основании записей от 29 мая 1917 г. П. Энглунд заключает, что войска фон Леттова-Форбека загнаны в юго-восточный угол колонии, но они еще не побеждены окончательно. «Новый командующий войсками союзников южноафриканский генерал-майор Луис “Джапи” ван Девентер настроен больше на ведение боевых действий, а не на хитроумные, но в основном бесполезные маневры с “клещами”... Извилистые марш-броски через заросли буша и джунглей, разумеется, имели своей целью сократить людские потери и перехитрить противника, но раз за разом это приводило к то-

му, что рубежи обороны растягивались до предела. И если раньше командующий Смэте сберегал жизни своих солдат на поле боя, то многократно терял их на больничных койках... Многие из тех, кого подобно Бьюкенену эвакуировали в Южную Африку для реабилитации, имели такой плачевный, истощенный вид, что вызывали всеобщее сострадание» (цит. по: с. 434–435).

Приведенные П. Энглундом дневниковые записи дают большой материал для исследования антивоенных настроений в воюющих армиях. Так, записи Владимира Литтауэра, датированные 17 марта 1917 г., рассказывают об усмирении бунта в гарнизоне г. Режицы. Вместе с приказом о подавлении мятежа до гусар доходили неясные слухи о беспорядках в Санкт-Петербурге. «В большом здании городского совета заседал Совет солдатских и рабочих депутатов. Что это такое, никто в точности не знал. Командир эскадрона вызвался пойти туда добровольцем на разведку». Через несколько минут из здания повалил народ: «взъерошенные солдаты, испуганные гражданские лица», погоняемые одним единственным офицером, который стегал их своим стеком» (цит. по: с. 412). «На протяжении почти четырех часов, пишет Литтауэр, мы арестовали триста человек. Мы заняли два вокзала, почту, здания местных властей и начали патрулировать город» (с. 412).

В один июльский день 1917 г. вновь переплетаются судьбы Владимира Литтауэра и Паоло Монелли. В этот день Монелли видит расстрел двух дезертиров, солдат из его соединения. Оба – бывалые солдаты, на фронте с самого начала войны. Монелли записывает, что солдаты расстрельного взвода отказывались стрелять. Монелли видит, как они потрясены, видит страх и боль на их лицах (с. 455–457). В это же время, пишет П. Энглунд, Владимир Литтауэр находился на железнодорожном узле Дно, примерно в 100 км к востоку от Пскова. В его полку также пытались обуздать дезертирство. Разница состояла в том, замечает автор, что на Восточном фронте это явление приобрело массовый характер, так что было уже невозможно прибегать к расстрелам. Многие солдаты отказывались идти в бой. Немало было и тех, кто вообще не хотел воевать. Нередко случалось, что дезертировали целые воинские части, уезжая с фронта на захваченных поездах.

Французский чиновник Мишель Корде записал в своем дневнике 27 января 1918 г.: «Рабочие на верфи в Клиде грозят забастов-

кой 31 января, если к этой дате не начнутся переговоры. Здесь мы видим новый поворот в противостоянии народа и власти: народ хочет знать, почему его заставляют сражаться. Потребовалось четыре года войны, чтобы это законное желание всплыло на поверхность. В России оно уже достигло своей цели. Все громче звучат голоса в Англии. Требования заключить мир выдвигаются и в Австрии. Мы не знаем, насколько сильно недовольство войной в Германии или во Франции. Но война вступила в новую фазу – фазу борьбы между стадом и его пастырями» (цит. по: с. 511).

Для героев П. Энглунда, в большинстве своем неизвестных, война закончилась по-разному. Один из 19 погиб (военный инженер австралийских частей Уильям Генри Докинз), один пропал без вести (датчанин Крестен Андерсен), двое (итальянец Паоло Монелли и артиллерист британской армии, новозеландец Эдуард Мосли) попали в плен, один превратился в живую развалину (британец Ангус Бьюкенен). Многие из них приветствовали начало войны, но затем научились ненавидеть ее; другие же возненавидели войну с самого первого дня. Но для всех них, как и для итальянца Паоло Монелли, Первая мировая стала «нашим злополучным наследством, нашим славным наследством, – во всяком случае нашим окончательным и бесповоротным наследством, мы навеки прикованы к своей памяти» (с. 591).

И.Е. Эман

2014.03.005. СУРЖИКОВА Н.В. ВОЕННЫЙ ПЛЕН В РОССИЙСКОЙ ПРОВИНЦИИ, (1914–1922). – М.: Полит. энциклопедия, 2014. – 423 с.

Ключевые слова: Первая мировая война; иностранные пленные на Урале и в Сибири; отношение властей к пленным.

В книге канд. ист. наук Н.В. Суржиковой, состоящей из введения, семи глав и заключения, анализируется проблема воздействия плена и пленных на экономическое, политическое и социокультурное состояние региональных институтов в России.

Пленные иностранцы, ставшие для провинции неожиданно, отмечается в книге, появились на Урале уже в 1914 г. Однако они были не военнопленными, а германскими и австро-венгерскими подданными, застигнутыми войной на территории России и